

ПОЛИТЭКОНОМИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА: ПОБЕДИТЕЛИ И ПРОИГРАВШИЕ

Нарышкина Алиса Андреевна¹,

канд. полит. наук,

e-mail: alicepro@mail.ru

¹Первый Московский государственный медицинский университет
имени И.М. Сеченова, Москва, Россия

В статье исследуется политэкономическое измерение глобального энергетического перехода, выявляются новые группы победителей и проигравших. Анализируется трансформация концепции энергетической безопасности, геополитическая роль критически важных полезных ископаемых, а также социально-экономические последствия перехода на региональном уровне. Выявляется, что переход порождает не только технологические и экологические, но и глубокие структурные изменения в распределении ресурсов, капитала и власти, создавая новые линии геоэкономического раскола и социального неравенства. Битва за лидерство в новой энергетике – это битва за привлечение «зеленого» капитала и технологий, а не только за долю на рынке нефти и газа. Постепенно происходит масштабный переток капитала в сторону устойчивых («зеленых») инвестиций. Компании и страны, которые доминируют в цепочках создания стоимости для технологий ВИЭ, аккумуляторов и цифровых сетей, получают стратегическое преимущество. Делается вывод о том, что для традиционных энергетических держав (включая Россию) концепция, основанная лишь на обладании запасами ископаемого топлива, становится стратегически проигрышной.

Ключевые слова: энергетический переход, политэкономия, энергетическая безопасность, критически важные полезные ископаемые, возобновляемые источники энергии, справедливый переход, геополитика

POLITICAL ECONOMY OF ENERGY TRANSITION: WINNERS AND LOSERS

Naryshkina A.A.¹,

candidate of political sciences,

e-mail: alicepro@mail.ru

¹I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia

This article examines the political economy of the global energy transition, identifying new groups of winners and losers. It analyzes the transformation of the concept of energy security, the geopolitical role of critical minerals, and the socioeconomic consequences of the transition at the regional level. It is revealed that the transition is generating not only technological and environmental changes, but also profound structural changes in the distribution of resources, wealth, and power; creating new lines of geoeconomic cleavage and social inequality. The battle for leadership in the new energy sector is a battle to attract “green” capital and technologies, not just for market share in oil and gas. A large-scale capital shift toward sustainable (“green”) investments is gradually taking place. Companies and countries that dominate the value chains for renewable energy technologies, batteries, and digital networks are gaining a strategic advantage. The conclusion is drawn that for traditional energy powers (including Russia), a concept based solely on the possession of fossil fuel reserves is becoming strategically untenable.

Keywords: energy transition, political economy, energy security, critical minerals, renewable energy sources, just transition, geopolitics

Введение

Глобальный энергетический переход, понимаемый как масштабный структурный сдвиг от ископаемых видов топлива к возобновляемым источникам энергии (ВИЭ), традиционно рассматривается через призму технологий, экологии и климатической политики. Однако не меньшего внимания заслуживает его политэкономическое измерение, а именно – перераспределение ресурсов, капитала, экономической и политической власти.

Актуальность исследования обусловлена тем, что этот переход создает новую конфигурацию сил на мировой арене, порождая как новых лидеров, так и страны, и социальные группы, сталкивающиеся с системными рисками.

В качестве методологической основы данного исследования выбран политэкономический подход, рассматривающий государство как активного участника, чьи институты, стратегии и интересы напрямую влияют на процесс глобального энергетического перехода. Вопросы взаимодействия политики и экономики, анализу их симбиоза в глобальном контексте, где решения о распределении ресурсов всегда связаны с властью и конфликтом интересов, ученые стали уделять пристальное внимание во второй половине XXI века. В целом на текущий момент принято выделять три основные школы международной политэкономии, при этом в рамках каждой из школ есть идеи, характеризующие в той или иной степени современный процесс энергетической трансформации. Так, в либеральной школе в фокусе исследования вопросы свободной торговли, глобализации, роли международных институтов (Р. Кеохейн, концентрирующийся на теории международных режимов, глобальном управлении, Дж. Най, исследующий «мягкую силу», транснационализм¹). Реалистическая школа и ее акцент на национальных интересах, анархии международной системы, безопасности, относительной выгоде (Р. Гилпин, изучающий гегемонию, войну и изменение в мировой политике², С. Стрэндж и ее анализ структурной власти в мировой экономике³). Критическая школа сочетает в себе несколько направлений, в том числе марксистский подход с фокусом на капитализме, неравенстве, эксплуатации (И. Валлерстайн и мир-системный анализ⁴, Р. Кокс и критическая теория, исторические структуры⁵), феминистское направление, которое исследует патриархальные структуры, гендерную сегрегацию (Дж.Б. Элштайн и феминистская этика⁶), и особенно интересное для нас экологическое направление, которое акцентируется на устойчивом развитии и экологической безопасности (Д. Медоуз и «Пределы роста»⁷, Э. Остром и управление общими ресурсами⁸). В рамках данного исследования теоретическая рамка новой политэкономии энергетической безопасности позволяет выйти за узкие технико-экономические трактовки и увидеть энергетику как поле борьбы за ренту и власть между разными группами интересов внутри стран и на международной арене, систему управления рисками, где экономические, политические и экологические угрозы тесно переплетены, а также динамический процесс трансформации, движимый не только технологиями, но и изменяющимися политическими коалициями и социальными ценностями. Это становится возможным ввиду того, что на текущем этапе глобализации все та же «обыденная» борьба за политическую власть и экономическое господство принимает лишь новые формы, оставаясь, по факту, все той же конкуренцией, для анализа которой политическая экономия наделена наиболее подходящим инструментарием [1].

Целью статьи является анализ ключевых политэкономических расколов, возникающих в процессе энергетического перехода, а также выявление группы потенциальных и реальных победителей и проигравших на глобальном, национальном и локальном уровнях.

¹ Keohane R.O., Nye J.S. Transgovernmental Relations and International Organizations // World Politics. – 1974. – Vol. 27, No. 1. – P. 39–62; Nye J.S., Keohane R.O. Transnational Relations and World Politics: An Introduction // International Organization. – 1971. – Vol. 25, No. 3. – P. 329–349; Кеохейн Р.О., Най Дж.С. (мл.) Транснациональные отношения и мировая политика // Теория международных отношений: хрестоматия / под ред. П.А. Цыганкова. – Москва, 2002. – С. 152–167.

² Gilpin R. War and Change in World Politics. – Cambridge University Press, 1981. – 288 p.

³ Strange S. International Economics and International Relations: A Case of Mutual Neglect // International Affairs. – 1970. – Vol. 46, No 2. – P. 304–315.

⁴ Wallerstein I. The Modern World-System. – Binghamton, 1974–1989. – Vol. I–III.

⁵ Cox R.W. Gramsci, Hegemony and International Relations: An Essay in Method. Millenn // J. Int. Stud. – 1983. – Vol. 12. – P. 162–175.

⁶ Elshstain J.B. Imperativy privatnogo i publicnogo // Khrestomatia feministskikh tekstov / perevody, ed. E. Zdravomyslova and A. Temkina. – St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ, 2000. – 303 p. – P. 64–88.

⁷ Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя. – Москва: Академкнига, 2007. – 342 с.

⁸ Управление общим. Эволюция институций коллективного действия / Э. Остром; пер. с англ. Т. Монтян. – Киев, 2013. – 400 с.

1. Энергетическая безопасность: изменение традиционной парадигмы

Традиционная парадигма энергетической безопасности, сфокусированная на стабильности поставок нефти и газа по доступным ценам, сегодня претерпевает фундаментальные изменения. Как отмечается в материалах Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (The International Renewable Energy Agency (IRENA)), энергетическая безопасность все в большей степени должна измеряться не запасами ископаемого топлива, а мощностями возобновляемой генерации, диверсификацией поставок и устойчивостью критической инфраструктуры к экономическому давлению⁹. Это смещение фокуса, ведущее к переоценке стратегических активов и изменению геополитической карты мира, – ключевой сдвиг парадигмы, который отражает трансформацию самой сути энергетической безопасности в XXI веке. Текущая практика межгосударственных политэкономических отношений позволяет предполагать, что энергетическая безопасность все в большей степени должна измеряться не тем, что накоплено в недрах земли, а объемами мощностей для воссоздания энергетического ресурса¹⁰.

Если проанализировать этот сдвиг с политэкономической точки зрения, то есть основания полагать, что наблюдается переход от «безопасности поставок» к «безопасности системы». В эру ископаемого топлива безопасность понималась как доступ к ресурсам (месторождениям) и их транспортировка по стабильным и безопасным маршрутам. Это порождало геополитику трубопроводов, зависимость от стран-поставщиков и уязвимость от ценовых шоков. В эру возобновляемых источников энергии безопасность – это устойчивость и надежность самой энергосистемы, где ключевым активом является не сырье в недрах, а технологии и инфраструктура на поверхности. Угрозы смещаются от эмбарго к кибератакам на интеллектуальные сети, изменчивости погоды и необходимости балансировки сети.

Говоря о политэкономических последствиях этого перехода, модель на ископаемом топливе кардинально отличается от модели на ВИЭ. Так, в первом «традиционном» случае география власти распределена (а, точнее, наоборот – сконцентрирована) между ограниченным числом стран с крупными запасами (Россия, Саудовская Аравия, США) [2], в которых и между которыми постоянно ведется борьба за контроль над ресурсами, создание союзов и разрешение конфликтов вокруг транзитных путей. Этому способствуют централизованные системы управления, а также сильные лобби традиционных ТЭК. Уязвимость данной модели хорошо характеризуется понятием «экономики ренты», когда основные доходы поступают от продажи ресурсов, что влечет за собой так называемое «ресурсное проклятие» с последующей сильной волатильностью бюджетов. Модель на возобновляемых источниках энергии подразумевает, что любая страна с солнцем, ветром, водой и технологиями может производить энергию, таким образом, власть постепенно смещается к производителям технологий (Китай, ЕС, США) [3]. Геополитика в «зеленой» парадигме строится на сотрудничестве в сфере технологий, создании трансграничных «зеленых» сетей и общих стандартов. Большой акцент делается на инновационной экономике, когда стоимость определяется технологиями и эффектом масштаба, например, постоянное снижение цены на солнечные панели и ветряки.

Как бы ни казался правильным и продуктивным переход к «зеленой» парадигме, экономика, построенная на ВИЭ, снижает одни уязвимости, но при этом параллельно продуцирует другие. Во-первых, это происходит ввиду возникновения сырьевой зависимости нового типа: для ВИЭ и аккумуляторов нужны литий, кобальт, никель, редкоземельные металлы. География их добычи, часто происходящей в политически нестабильных регионах, создает новые цепочки поставок и уязвимости [4]. Во-вторых, по причине волатильности генерации: солнце и ветер непредсказуемы, ввиду чего необходимы колоссальные инвестиции в балансировку сети, например, технология Smart Grid, или умные счетчики, накопление энергии посредством развития технологий хранения, например, посредством гидроаккумулирующих станций, аккумуляторов, и поддержания уровня резервных мощностей. В-третьих, все боль-

⁹ *Expert Insights*. The Powerful Role in Geopolitics is to Manage the Energy Transition. 2025 Apr. – URL: <https://www.irena.org/News/expertinsights/2025/Apr/The-Powerful-Role-in-Geopolitics-is-to-Manage-the-Energy-Transition> (дата обращения: 07.01.2026). – Текст: электронный.

¹⁰ *Возобновляемая энергетика в России и мире*. Москва, 2022. – URL: <https://rosenergo.gov.ru/upload/iblock/e04/3xtm87iv99x76b23c6wjul3as5pzz8zj.pdf> (дата обращения: 07.01.2026). – Текст: электронный.

шую роль играет кибербезопасность: для хакерских атак оцифрованная и децентрализованная энергосистема гораздо более уязвима.

Таким образом, энергетическая безопасность будущего – это не безопасность запасов, а безопасность системы, построенной на технологиях. Это меняет правила геополитической игры, снижая значение «ресурсного национализма» и повышая значение «технологического суверенитета». Для России, чья экономика и статус на международной арене исторически зависели от ископаемых ресурсов, этот вызов является экзистенциальным и требует кардинального пересмотра как экономической стратегии, так и подходов к национальной безопасности.

2. Проигравшие и группы риска: страны с экономикой, зависимой от экспорта ископаемого топлива

Для стран, чье благосостояние издавна базировалось на экспорте нефти, газа и угля, энергетический переход представляет собой невыдуманную угрозу. Снижение глобального спроса на ископаемое топливо оказывает долгосрочное давление на цены и доходы экспортеров¹¹. Хотя некоторые из них, как Россия, пытаются адаптироваться, диверсифицируя экспорт (например, наращивая поставки СПГ) и развивая «озеленение» традиционной энергетики, их базовые экономические модели оказываются под угрозой.

Страны с экономикой, зависимой от экспорта ископаемого топлива, являются самыми уязвимыми участниками новой энергетической парадигмы. Для них энергетический переход – это не возможность, а экзистенциальная угроза их экономической и социально-политической стабильности. Выделим четыре группы стран, которые можно отнести к наиболее уязвимым в процессе энергоперехода:

1. Некоторые страны Африки, Южной Америки – это экспортеры с низким уровнем диверсификации экономики. В этих странах фиксируется крайняя зависимость бюджетных доходов от продажи нефти, газа или угля, параллельно с низкой инвестиционной привлекательностью и слабыми институтами для перестройки экономики¹².

2. США, Индонезия, Россия – страны, чья экономика зависит от экспорта угля. Спрос на уголь, вероятно, сократится быстрее всего, что автоматически приведет к риску глубокого локального социально-экономического кризиса в шахтерских регионах. В этом контексте примечательно вспомнить лозунг и соответствующую идеологию, которую проповедует Президент США Дональд Трамп: «Бури, детка, бури!» (англ. “Drill, baby, drill!”), направленную на увеличение добычи нефти, газа и угля¹³.

3. Россия, Саудовская Аравия – то есть страны – крупные экспортеры, над которыми «нависает» риск «ресурсного проклятия» в долгосрочной перспективе¹⁴. Краткосрочные выгоды от высоких цен могут смениться резким падением спроса и обесцениванием активов, а параллельная зависимость от одного импортера (например, от Китая) создает только все большую уязвимость¹⁵.

4. Индия, Европейский союз – страны, импортирующие критические минералы. Они уязвимы по части зависимости от импорта лития, кобальта, редкоземельных металлов для своей «зеленой» промышленности, а также от цепочек поставок, контролируемых Китаем¹⁶.

Все перечисленные выше риски, свойственные соответствующим группам стран, начинают приобретать все более общий и системный характер, проявляться на нескольких уровнях, которые, в свою

¹¹ Winners and losers in the energy transition. – URL: <https://www.woodmac.com/blogs/energy-pulse/winners-and-losers-in-the-energy-transition/> (дата обращения: 07.01.2026). – Текст: электронный.

¹² IRENA (2023), Geopolitics of the energy transition: Critical materials, International Renewable Energy Agency. – URL: <https://www.irena.org/Digital-Report/Geopolitics-of-the-Energy-Transition-Critical-Materials> (дата обращения: 07.01.2026). – Текст: электронный.

¹³ Кризис или Трамп: США и Евросоюз отходят от климатической повестки в энергетике // Российская газета – Федеральный выпуск. – 2025. – 24 апреля. – № 9631. – URL: <https://rg.ru/2025/04/23/vestnik-bura.html> (дата обращения: 07.01.2026). – Текст: электронный.

¹⁴ Бордофф Дж., О’Салливан М. Зелёный переворот. Новая энергетическая геополитика. 20.04.2022. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/zelyonyj-perevorot/> (дата обращения: 07.01.2026). – Текст: электронный.

¹⁵ Carbon Minefields Oil and Gas Exploration Monitor. IISD. – URL: <https://www.iisd.org/publications/newsletter/december-2025-carbon-minefields> (дата обращения: 07.01.2026). – Текст: электронный.

¹⁶ IRENA (2023), Geopolitics of the energy transition: Critical materials, International Renewable Energy Agency. – URL: <https://www.irena.org/Digital-Report/Geopolitics-of-the-Energy-Transition-Critical-Materials> (дата обращения: 07.01.2026). – Текст: электронный.

очередь, являются основными угрозами для стран – экспортеров углеводородов, только для кого-то уже в настоящий момент, для кого-то – в перспективе.

Во-первых, это структурный спад спроса и цен. Глобальная декарбонизация ведет к долгосрочному снижению спроса на нефть, газ и уголь. Активы стран – экспортеров углеводородов (у которых имеются крупные месторождения, инфраструктура) могут стать неликвидными, то есть обесцениться, не успев окупиться. Финансовые рынки, предвидя это, уже начинают обесценивать компании и проекты, связанные с ископаемым топливом, что затрудняет привлечение инвестиций [5].

Во-вторых, это бюджетный и макроэкономический кризис. Бюджеты стран – экспортеров углеводородов (например, России, Саудовской Аравии, Нигерии, Венесуэлы) на 30–80 % формируются за счет нефтегазовых доходов. Сокращение экспортной выручки приведет к дефициту бюджета, ослаблению национальных валют, росту инфляции и снижению золотовалютных резервов [6].

В-третьих, это социально-политическая дестабилизация. Государство теряет возможность финансировать социальные программы, субсидии и содержать большой госаппарат – ключевые источники социальной стабильности во многих странах – экспортерах углеводородов. Растет риск массовых протестов из-за снижения уровня жизни, как это уже происходило в странах, зависимых от ресурсов.

Таким образом, проигравшими в новой энергетической парадигме окажутся не те, у кого закончилась нефть, а те, кто не смог подготовиться к ее неизбежному структурному удешевлению и снижению спроса. Их главная уязвимость – не в отсутствии ресурсов, а в отсутствии гибкой, диверсифицированной и инновационной экономической модели. Для мира это создает новые риски региональной нестабильности, волны миграции и геополитической турбулентности, источником которой будут «несостоявшиеся» нефтегазовые государства.

3. Победители в новой энергетической парадигме: технологические лидеры и финансовый капитал

Как уже было отмечено выше, переход к зеленой энергетике привел к взрывному росту спроса на металлы, необходимые для ВИЭ и производства электромобилей: литий, кобальт, никель, медь и редкоземельные элементы. Если обращаться к географии их распределения, то основные мировые запасы этих материалов сконцентрированы в небольшом числе стран, таких как Австралия, Чили, Демократическая Республика Конго, Китай, и в меньшей степени – в России и Аргентине. Согласно расчетам МВФ, в сценарии, соответствующем целям Парижского соглашения, цены на эти металлы могут вырасти на несколько сотен процентов, что сулит странам-экспортерам беспрецедентные доходы¹⁷. Это неизбежно трансформирует глобальные финансовые потоки, исторически связанные с торговлей нефтью и газом.

Из вышеизложенного формируется один из наиболее актуальных и важных вопросов – кто в обозначенных условиях формирует новую экосистему? Очевидным становится то, что победители сегодня – это не только производители энергии, но и те, кто контролирует ключевые звенья новой финансово-технологической цепочки. К основным ключевым игрокам можно отнести таких технологических гигантов, как “Tesla” – не просто автопроизводитель, а компания по энергетическим решениям, “NextEra Energy” – один из крупнейших в мире производителей ВИЭ. Эти гиганты создают технологические стандарты, двигают инновации в области аккумулирования умных электросетей, так называемых “Smart Grid”, и электромобильности. При этом первенство американских компаний постепенно уходит в историю – так, компания “Tesla” в 2025 году впервые уступила китайской BYD лидерство в мировых продажах электромобилей¹⁸.

Еще один важный аспект в контексте исследуемого вопроса заключается в том, что масштабный переток капитала в сторону «зеленых» инвестиций – это не просто тренд, а фундаментальная пере-

¹⁷ Winners and losers in the energy transition // Wood Mackenzie. – URL: <https://www.woodmac.com/blogs/energy-pulse/winners-and-losers-in-the-energy-transition/> (дата обращения: 07.01.2026). – Текст: электронный.

¹⁸ Bloomberg: Tesla впервые уступила лидерство в объеме продаж электромобилей // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/26076131> (дата обращения: 07.01.2026). – Текст: электронный.

оценка рисков и возможностей глобальными рынками. Этот ключевой драйвер новой энергетической парадигмы напрямую формирует новых победителей и проигравших. В обозначенных условиях и соответствующей ситуации технологические лидеры и финансовый капитал создают новые правила игры, используя возможности основных движущих сил финансового перетока в свою пользу. В качестве регуляторного давления и стимулов используются инструменты налоговой политики: субсидии, «зеленые» тарифы, как в ЕС и в Китае, делают инвестиции в ВИЭ высокорентабельными. Раскрытие информации, правила, как в ЕС, обязывающие компании раскрывать информацию о климатических рисках, перенаправляют капитал в сторону более устойчивых активов; углеродные налоги, которые делают «грязные» активы менее прибыльными, ускоряя их обесценивание (*“stranded assets”*).

Кроме налоговой политики, акцент делается на особой экономической целесообразности. Среди аргументов превалирует то, что резкое падение стоимости солнечных панелей, ветрогенераторов и аккумуляторов сделало ВИЭ самым дешевым источником энергии во многих регионах мира, а инвесторы все больше видят риски в активах, связанных с ископаемым топливом, – волатильность цен, будущие запреты, репутационные потери. «Зеленые» активы воспринимаются как более устойчивые в долгосрочной перспективе.

Также неоспоримым является факт изменения потребительского и общественного спроса – ESG (Environmental, Social, Governance) повестка¹⁹ стала мейнстримом. Фонды, банки и корпорации сталкиваются с растущим давлением со стороны акционеров и клиентов, требующих «чистых» инвестиций.

Отдельная ниша у финансовых институтов, управляющих активами, таких как “BlackRock”, “Vanguard”), которые объявили о переходе к «нулевым выбросам» в своих портфелях. Они формируют глобальные потоки капитала, «наказывая» компании с высокими углеродными рисками и поощряя «зеленых» лидеров. Страны-интеграторы, такие как Китай, который доминирует в производстве солнечных панелей, ветряков и аккумуляторов, ЕС, формирующий регуляторные стандарты и «зеленый» курс, обладают не сырьевым, а технологическим и регуляторным суверенитетом, становясь центрами притяжения капитала и компетенций.

Суть самого глобального энергетического перехода можно свести к следующему: страны, обладающие запасами критически важных полезных ископаемых, действительно получают стратегическое преимущество. Однако победа в новой энергетической парадигме зависит не только от наличия ресурсов под землей, но и от способности создавать устойчивые и справедливые цепочки их поставки.

Таким образом, что же является условием для победы в новой парадигме? Чтобы превратить ресурсное богатство в долгосрочное преимущество, странам необходимо менять свои старые экономические паттерны или внедрять новые [7]. Так, победа достается не тем, кто просто продает сырье, а тем, кто способен его перерабатывать, производить компоненты (например, магниты для ветрогенераторов или катоды для аккумуляторов) и конечную продукцию. Китай является эталоном этой модели, контролируя около 95 % глобальной переработки редкоземельных металлов²⁰. Внедрение принципов прозрачности, подотчетности между государством, компаниями и местными сообществами способствует все более справедливому распределению выгод. Именно это продвигает ООН в своих рекомендациях, чтобы энергетический переход не усугублял неравенство²¹. Также страны – обладатели ресурсов, такие как Казахстан, могут извлекать выгоду, диверсифицируя свои внешнеэкономические связи и заключая стратегические партнерства с разными игроками (ЕС, США, Китаем), чтобы избежать новой монополярной зависимости²².

¹⁹ ESG (Environmental, Social, Governance) — это набор критериев для оценки «устойчивости» и «этичности» бизнеса, включающий воздействие на окружающую среду (E), социальную ответственность перед сотрудниками и обществом (S) и качество корпоративного управления (G), который инвесторы используют для анализа рисков и долгосрочных перспектив компаний, переходя от теории к практическому применению через рейтинги и отчетность.

²⁰ Центральноеазиатские ресурсы привлекают Евросоюз // НГ-Энергия. – URL: https://www.ng.ru/energy/2025-05-12/9_9250_resources.html (дата обращения: 07.01.2026). – Текст: электронный.

²¹ Критически важные минералы для энергетического перехода: не повторить ошибок прошлого // ООН. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/11/1458316> (дата обращения: 07.01.2026). – Текст: электронный.

²² Центральноеазиатские ресурсы привлекают Евросоюз // НГ-Энергия. – URL: https://www.ng.ru/energy/2025-05-12/9_9250_resources.html (дата обращения: 07.01.2026). – Текст: электронный.

4. Сообщества «бурых» регионов и проблема «справедливого перехода»

Продолжая тему «проигравших», нельзя не отметить отдельно проблему «бурых» регионов и соответствующую важность обеспечения «справедливого перехода».

«Бурые» регионы – это территории, экономика и социальная жизнь которых исторически зависела от добычи угля и других ископаемых видов топлива. «Справедливый переход» – это комплексный подход, призванный обеспечить, чтобы переход к «зеленой» экономике не оставил такие сообщества, как «бурые» регионы, без поддержки, а предоставил им новые возможности. Есть ряд разнонаправленных проблем, которые можно зафиксировать в контексте энергетического перехода.

Так, на микроуровне самыми уязвимыми оказываются регионы и работники, чья жизнь была тесно связана с добывающими отраслями. Исследование на примере эстонского Ида-Вирумаа, зависящего от сланцевой промышленности, демонстрирует глубокие социальные последствия. Во-первых, это социально-экономическое напряжение – закрытие предприятий ведет к потере рабочих мест, снижению доходов и росту безработицы, которая в Ида-Вирумаа на 3,4 % выше средней по стране. Во-вторых, психологическое здоровье – зависимость от отрасли формирует «зону комфорта», снижающую способность к адаптации. Тревога за будущее, утрата социальных связей и профессиональной идентичности негативно сказываются на психическом и физическом здоровье населения, что отражается в более низкой (на 3,2 года) ожидаемой продолжительности жизни. В-третьих, политическая поляризация – эти проблемы могут использоваться правыми популистскими движениями, которые изображают энергетический переход как проект, навязанный городскими элитами и угрожающий традиционному укладу жизни [8].

Высокий уровень экономической зависимости формируется ввиду того, что многие из «бурых» регионов являются моногородами или монопоселениями, где градообразующие предприятия – это шахты и угольные электростанции. Их закрытие ставит под удар всю местную экономику и систему занятости. Без планомерного перехода население сталкивается с потерей работы, снижением уровня жизни, накоплением долгов по зарплате (как, например, в украинских шахтерских городах) и массовым оттоком молодежи, что превращает регионы в депрессивные и влияет на интенсивный рост социальных рисков. Длительная добыча полезных ископаемых часто оставляет после себя проблемы загрязнения почв, вод и необходимость рекультивации земель, а это крайне негативно сказывается на экологическом будущем следующих поколений.

И без соответствующего глубокого анализа данного аспекта, что является отдельной важной темой для исследования, можно сделать вывод, что потенциальные стратегии адаптации для стран-экспортеров включают диверсификацию экономики, создание суверенных фондов, инвестиции в ВИЭ и водород, а также реализацию программ «справедливого перехода» для поддержки работников традиционных отраслей. Концепция справедливого перехода как раз может положительно повлиять на решение социальных, экономических, культурных и экологических вопросов в регионах, построенных вокруг добывающей промышленности, чтобы отказ от угля не нанес ущерба работникам и окружающей среде.

Заключение

Проведенный анализ позволяет предполагать, что энергетический переход является не технической, а, в первую очередь, политэкономической трансформацией. Он перераспределяет богатство и влияние, создавая новую карту глобальных и локальных победителей и проигравших. При этом риски дестабилизации и социального отторжения перехода столь же велики, как и его экологические выгоды.

Компании и страны, которые доминируют в цепочках создания стоимости для технологий ВИЭ, аккумуляторов и цифровых сетей, получают стратегическое преимущество. Постепенно происходит масштабный переток капитала в сторону устойчивых («зеленых») инвестиций. Финансовые институты, переориентирующие потоки капитала в соответствии с критериями ESG, усиливают свое влияние на корпоративную и государственную политику. Можно сказать, что финансовый капитал стал главным ускорителем энергетического перехода. Он не просто следует за технологиями, а активно формирует спрос на них, создавая самоподдерживающуюся экосистему. Технологические лидеры, в свою очередь, предоставляют капиталу объекты для инвестиций с растущей доходностью.

Для традиционных энергетических держав (включая Россию) все вышеперечисленное означает, что стратегия, основанная лишь на обладании запасами ископаемого топлива, становится стратегически проигрышной. Битва за лидерство в новой энергетике – это битва за привлечение «зеленого» капитала и технологий, а не только за долю на рынке нефти и газа.

Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке эффективных моделей международного сотрудничества, которые позволили бы смягчить раскол между «Севером» и «Югом», а также в углубленном изучении механизмов «справедливого перехода», направленных не только на переобучение работников, но и на сохранение социальной ткани и психологического благополучия в наиболее уязвимых регионах. Сам успех энергетического перехода будет измеряться не только гигаваттами чистой энергии, но и его способностью быть инклюзивным и социально приемлемым.

Список литературы

1. Буторина О.В. Ренессанс политической экономии и роль российской научной школы // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2025. – № 3. – С. 216–229.
2. Чугаева Ю.А., Старцев М.А., Федин К.С., Савченко М.Е. Функционирование российского ТЭК в условиях внешних ограничений // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 3 (53). – С. 387–390.
3. Перова М.К. Компании Китая в высокотехнологичных отраслях экономики США // Пространственная экономика. – 2020. – № 3. – С. 139–155.
4. Череповицын А.Е., Иллерицкий Н.И. Российские ресурсы стратегических металлов как фактор управления мировой энергетической повесткой // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2024. – № 5. – С. 180–208.
5. Прудникова А.А. Международная повестка декарбонизации экономики: взгляд и ответ России // Экономика. Налоги. Право. – 2025. – № 2. – С. 129–137.
6. Зотиков Н.З. Нефтегазовые и ненефтегазовые доходы, их роль в формировании доходов бюджетов // Вестник евразийской науки. – 2020. – № 4. – С. 29–31.
7. Нарышкин А.А. Новые подходы к развитию внешней торговли ЕАЭС // Современная Европа. – 2024. – № 6 (127). – С. 149–155.
8. Idavain J. Health effects of environmental contamination in the oil shale industry region of Estonia // Dissertationes Medicinae Universitatis Tartuensis. – 2025. – 164 p.

References

1. Butorina O.V. Renaissance of political economy and the role of the Russian scientific school // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. – 2025. – № 3. – С. 216–229.
2. Chugaeva Yu.A., Starcev M.A., Fedin K.S., Savchenko M.E. Funkcionirovanie rossijskogo TEK v usloviyah vneshnih ogranichenij // Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya. – 2024. – № 3 (53). – S. 387–390.
3. Perova M.K. Kompanii Kitaya v vysokotekhnologichnyh otraslyah ekonomiki SSHA // Prostranstvennaya ekonomika. – 2020. – № 3. – S. 139–155.
4. Cherepovicyyn A.E., Illerickij N.I. Rossijskie resursy strategicheskikh metallov kak faktor upravleniya mirovoj energeticheskoy povestkoj // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. – 2024. – № 5. – S. 180–208.
5. Prudnikova A.A. Mezhdunarodnaya povestka dekarbonizacii ekonomiki: vzglyad i otvet Rossii // Ekonomika. Nalogi. Pravo. – 2025. – № 2. – S. 129–137.
6. Zotikov N.Z. Neftegazovye i neneftegazovye dohody, ih rol' v formirovanii dohodov byudzhetrov // Vestnik evrazijskoj nauki. – 2020. – № 4. – S. 29–31.
7. Naryshkin A.A. Novye podhody k razvitiyu vneshnej trgovli EAES // Sovremennaya Evropa. – 2024. – № 6 (127). – S. 149–155.
8. Idavain J. Health effects of environmental contamination in the oil shale industry region of Estonia // Dissertationes Medicinae Universitatis Tartuensis. – 2025. – 164 p.

Статья поступила в редакцию 14.01.2026

Received: 14.01.2026

Статья принята к публикации: 18.01.2026

Accepted: 18.01.2026